

Юлия Шанина

Хождение семиотики в наРОД: заметки о прочтении трудов московско-тартуской школы родноверами

Все, к чему прикасался своей золотой рукой царь Мидас, обращалось в золото. Подобно этому все, привлекающее внимание исследователя-семиотика, семиотизируется в его руках.

[Лотман 1996: 6]

Семиотика московско-тартуской школы (далее — МТШ), как справедливо замечает И.В. Утехин, прошла значительный путь от нового (и оттого опасного и не всем понятного) направления мысли, противостоящего идеологизированной советской этнографии, до ключевого метода гуманитарных наук, ныне завершившего свое развитие [Утехин 2017: 7]. Однако в истории осмысления наследия МТШ есть еще один этап, которого достаиваются все значимые учения, — массовое увлечение идеями школы, копирование и апроприация знания вне академии.

Впервые с апроприацией знаний МТШ я столкнулась при полевой работе в неязыческой общине «Крина» (Санкт-Петербург). Союз славянского наследия «Крина» существует с 1993 г., с момента публикации манифеста главой общины А.Г. Резунковым. На весну 2017 г. в состав «Крины» входили 15–20 человек в возрасте от 35 до 60 лет. Изначально организация была задумана как «Община экологии сознания» [Манифест общины 1993], открытая всем желающим. Своей

Юлия Сергеевна Шанина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
ishanina@eu.spb.ru

главной задачей сообщество считает «поиск истоков славянского сознания, их познание и развитие в рамках современных условий», единство познания мира без деления на науку и лженауку [Манифест общины 1993]. Община проводит множество мероприятий, таких как лекции Клуба культурного и природного наследия, «практика традиций, обрядов и ритуалов» [Там же], народные гуляния, экспедиции, паломничество, походы, праздники по календарю общины. С 2016 г. ежегодно проходит Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры», организованная общиной [конференция Знаки 2016].

В течение года, с сентября 2016 по май 2017 г., я провела 1) включенное наблюдение с видео- и фотосъемкой на следующих мероприятиях общины: Славянский Спас — гуляние¹ на капище во Всеволожском районе, масленица в усадьбе Приютино, Широкая масленица в Юсуповском саду, Заклички весны, лекции Клуба природного и культурного наследия (лекторий общины, см. ил. 1 на цветной вклейке); 2) устные опросы людей на праздниках (часть с аудиозаписью); 3) полуструктурированные интервью с активным членом «Крины», руководителем Русского музея народоведения П.И. Кутенковым, главой «Крины» А.Г. Резунковым и другом общины атаманом казачьей станицы И.В. Собокуновым, часть из которых я продемонстрирую в этих заметках, представляет нам сообщество, в котором мир осмысляют как системы знаков, а члены общины постоянно либо сами интерпретируют и разъясняют их другим, либо становятся невольными реципиентами этих интерпретаций. При этом активно используются наблюдения исследователей МТШ и язык советских семиотических трудов.

В общине в целом стремятся копировать жизнь академии. Лекции Клуба природного и культурного наследия в институте, где работает А.Г. Резунков, не менее важны, чем ритуалы на капище. Во время лекций люди делятся с другими членами общины своими наблюдениями, рассказывают о своих поездках («экспедициях») в значимые для общины места. Встречи, которые я видела, поразительно напоминали мини-конференции. Если убрать критическое отношение к содержанию обсуждений, форма мероприятия абсолютно такая же, как в академии: сменяющиеся друг друга докладчики, презентации в аудитории вуза, модератор, критика источников и выводов, споры и вопросы «из зала». Критикуя, слушатели нередко отсылали к книжным источникам различной степени достоверности.

¹ Помимо костяка общины (примерно 20 человек), на гуляниях собираются люди, поддерживающие деятельность общины, представители некоторых других неязыческих или иных дружественных организаций и одиночки-единомышленники.

Опора сообщества на книжное знание и постоянные отсылки к тем или иным исследованиям удивляют. Аналогично тому, как христиане могут апеллировать к Библии, в общине и на ее мероприятиях упоминают труды исследователей-гуманитариев XIX–XX вв. (преимущественно по этнографии, истории и фольклористике). Так, в одну из встреч во время беседы глава общины мимоходом посоветовал мне читать книги А.К. Байбурина¹. Среди других упоминаний — Рыбаков, Афанасьев, Срезневский, Топоров и др. В основном это авторы мифопоэтической школы и московско-тартуской семиотической школы, этнографических описаний XIX — начала XX в. и составители словарей.

У Некрыловой же, описывает она вот эти, вот эти вот семь дней Масленичной недели. <...> если открыть книжку Некрыловой Анны Федоровны, «Круглый год» называется, там это описано [И.В., интервью 2017].

Если вы серьезно хотите понять, что такое язычество, возьмите трехтомник академика Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», изданный в прошлом веке. И внимательно его прочтите. <...> Девушка, вы не слушайте, что там кто-то говорит. Вы возьмите книжки: этнография, фольклор. Прежде всего Афанасьев. Потом Сахаров², Земельный, Калиновский³. Потом современников почитайте. Там всё есть. <...> [говорит про ариев] Об том можно почитать у Телока — очень убедительный индийский ученый, ведист... Об этом можно почитать у современного исследователя Клёсова. Читайте книжки [Жен., опрос 2016⁴].

Инф.: Книга «Славянские боги в русском языке» было результатом этих исследований. <...> Это все как раз было проработано на тех этнографических материалах, на тех книгах XIX–XX века, о которых Вы говорите. Ну и дальше, соответственно, была построена определенная концепция.

Соб.: А на каких именно этнографических книгах?

Инф.: Да их много, это... все классические книги, о которых... это и Рыбаков, и Глинка, и, соответственно, Срезневский, и Даль. То есть на самом деле я здесь не ограничивался в том, что вот эта вот истинная книга, эта — не истинная, то есть бралось много источников, по этим источникам проводились опреде-

¹ Исходя из контекста беседы и интереса А.Г. Резункова к разграничению понятий «обряд», «ритуал» и «праздник», смею предположить, что прежде всего имелись в виду книги «Ритуал в традиционной культуре» и «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян».

² А.Н. Сахаров, историк.

³ Г.И. Калиновский, автор книги «Описание свадебных украинских простонародных обычаев» [Калиновский 1777].

⁴ Также эта информантка упоминает Б.А. Рыбакова.

ленные сопоставления, а дальше уже тут получалось то, что получалось.

Соб.: А Иванов, Топоров?

Инф.: А, ну естественно, конечно, как же без Иванова, Топорова.

Соб.: А Левкиевскую? Не брали?

Инф.: Ну Левкиевская, она в общем-то больше с обрядами была связана. Рыбаков не так [А.Г., интервью 2016].

Последняя цитата принадлежит самому начитанному, по отзывам других активных членов¹, человеку в общине — ее основателю А.Г. Резункову. В своих докладах он также ссылается на работы С.М. Толстой, Н.И. Толстого и других исследователей [Резунков 2019; 2022]. Во время интервью А.Г. Резунков подчеркнул, что стремится знакомиться с литературой, чтобы реконструируемые им обряды были наиболее точны. Возможно, его осторожность и стремление к достоверности (*authenticity*) — следствие его образования. Он окончил физический факультет ЛГУ (ныне СПбГУ) [А.Г., интервью 2016], что позволило ему составить представление, какая литература с точки зрения точных наук считается научной. Язык семиотиков, порожденный влиянием теории информации, легко мог распознаться им как нечто знакомое и определенно научное. Остальные члены «Крины» не столь начитаны и осторожны в обращении с информацией, но в целом разделяют это стремление к достоверности через обращение к научной литературе.

[Б]ыло много недостоверной информации, типа Асова и прочих. В 90-е — начало 2000-х. То есть все это немножко было сказочное и... Люди не совсем понимали, что творят. То сейчас наконец-то обратились к нормальной литературе серьезной. Игнорируют всяких фриков вроде инглингов, Хиневича² и прочих. Это ужасно. Это просто вне критики какой-то. Но наравне с этим есть люди, которые серьезно занимаются. Читают серьезных там академиков, этнографов и реконструируют, возрождают традицию, веру такой, какой она должна быть, достоверно, как оно было [Велеслава, опрос 2016].

Среди ориентиров в сообществе фигурирует не только МТШ, но именно семиотика как образчик научного языка и мышления в гуманитарных дисциплинах больше всего повлияла на манеру осмысления и язык докладов в общине. Также это может проявляться в повседневности, например в расшифровывании значений ритуалов во время их проведения, в том числе через

¹ Пример такого высказывания: «Я считаю, что он [А.Г.] на правильном пути, потому что он, ну как сказать, он как ученый очень аккуратно себя ведет, и он скорее, он это изучает, нежели воплощает» [И.В., интервью 2017].

² Один последователь учений А. Хиневича, но не член «Крины» все же присутствовал на Славянском Спасе.

оппозиции. Так, И.В. рассматривает факелы, зажигаемые на Масленице общины, как знак, смысл которого раскрывается через оппозицию «жар — холод».

Последние годы мы там еще ввели факельное шествие. Факела зажигаем. <...> Это очень красиво. Красиво. Потому что это же борьба, э-э-э, холода с жаром. Поэтому факела — они имеют смысл [И.В., интервью 2017].

Другой пример — рассказ рукодельницы о своем наряде на Славянском Спасе как о череде символов, значения которых расположены в сфере метафизического и описаны в работах фольклористов, в том числе семиотиков.

Инф.: [о вышивке на своем повойнике] *Солнце, ну космос. Так сказать, когда солнце, мир, любовь, изменение, трансформация. Ну и богиня, на башке.* [со смехом]

Соб.: *А какая?*

Инф.: *Сложно сказать, какая... Вселенская! Мировое древо, великая мать. Матушка* [Жен., опрос 2016].

Одно из проявлений семиотизации мира — внимание язычников к значениям отдельных лексем, работа со словарями, что понимается в общине как лингвистический анализ (без внимания к иным уровням языка). Раскрытие полисемии слова, отдаленное от строгости толкового словаря, но близкое к трактовке символа, появляется уже в манифесте 1993 г.:

*Древнеславянское слово «КРИНА» очень многогранно:
во-первых, это родник, ключ чистой воды, источник — отсюда произошло слово КРИНИЦА;
во-вторых, это сосуд для воды, молока, молодого терпкого вина, сравните — КРЫНКА;
в-третьих, так называется водяная лилия, славянский аналог индийского лотоса — самого чистого, божественного растения [Манифест общины 1993].*

В своих интервью А.Г. Резунков также интерпретирует значения отдельных слов: «Черт — это черта, да, за которую нельзя переступить. Или... скажем так, черта, которая разделяет миры» [А.Г., интервью 2016]; крещение в проруби — от слова «крес», «древнеславянский корень, обозначающий оживление» [Радио RPR 2017: А.Г. Резунков]. По его словам, источниками его знаний о славянской культуре в первую очередь являются историко-этимологические словари.

[Д]ля меня больше играло роль не то описание бога¹, которое было дано различными авторами, а именно тот смысл, кото-

¹ Прописная или строчная буква в слове *Бог* / *бог* соответствует его написанию в текстах того или иного информанта. Это относится как к цитатам из интервью с ними, так и к изложению их взглядов.

рый заложен в этом слове, а это уже можно найти именно по словарям, и в первую очередь я работал именно со словарями, вот. Со словарями, которые уводят туда, вдаль. То есть я называл сейчас основные, да — Фасмера, Срезневского и Даля... Но это не единственный набор словарей, которыми я пользовался. Для меня в принципе в первую очередь важно было именно слово, что оно обозначает, какие и аналоги есть в других языках, и уже дальше на основе этого я строил образ бога [А.Г., интервью 2016].

Замечу, что и для академической семиотики первым объектом исследования стали лексемы как минимальные смысловые единицы, вернее, понятие Ф. де Соссюра «языковой знак», который состоит из означающего (акустический образ) и означаемого (референт), а также оппозиция “la langue — la parole”, где язык являет собой знаковую систему. Так, в русле языкознания впервые провели первичную процедуру семиотики — выделили элементарные единицы системы и установили элементарные связи между ними. За первым закрепилась метафора *словаря*, за вторым — грамматики [Байбурин, Топорков 1990: 7; Калинин 2009: 31–32, 41–43, 49, 55]. В МТШ рассматривают язык как вторичную моделирующую систему [Тороп 1995: 226–229], а часть работ школы принадлежит к «лингвистической традиции»: язык находится в фокусе исследования, оперирует дискретной системой кодирования и образует тексты, которые складываются как цепочки знаков [Живов 2009: 11–18]. В поздней истории МТШ язык как термин семиотического дискурса становится константой семиотических трудов. Например, Лотман осмысляет культуру как дуальную схему, пользуясь метафорой языка.

[П]редставим себе два языка, L1 и L2, устроенные принципиально столь различным образом, что точный перевод с одного на другой представляется вообще невозможным. Предположим, что один из них будет языком с дискретными знаковыми единицами <...>, а другой будет характеризоваться недискретностью [Лотман 1992б: 35].

Иной пример, к которому ближе всего интерпретации информантов, — взгляд Б.А. Успенского на язык как на исходное понятие в построении модели исторических процессов, код сложившейся системы символических представлений социума. Язык соотнесен с традицией и «социальностью», речь — с историей и новыми явлениями. В итоге получается «дуальная грамматика русской культуры», структурно неизменная, с пафосом преемственности культуры. Слова становятся набором элементов, через который можно разгадать и понять смыслы русской культуры [Калинин 2009: 34–35, 37–39, 41–49]. К последнему принципу обращаются и мои информанты, наделяя при этом слово не только глубиной смыслов, но и мистической силой.

Я же стою на той позиции, что каждый бог <...> это есть то проявление стихии, которое заключено в его имени [А.Г., интервью 2016].

Это главная задача — понять, что слово обладает силой, различной силой. И слово — это средство, средство общения между людьми, между природой, людьми и природой, между людьми и космосом, между людьми и Богом. То есть она наделена многими свой-ства-ми [П.И., экскурсия 2017].

Апогеем поиска смыслов русской культуры и духовных прозрений через различные системы знаков, в том числе язык, письменность, узоры, стала конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры». С 2016 по 2021 г. прошло шесть конференций с таким названием. Организаторами от «Крины» были А.Г. Резунков, его жена и П.И. Кутенков — сопредседатель оргкомитета и зампреда программного комитета. Основные направления работы конференций¹: 1) «Природа происхождения знака в культуре. Этнокультурные (родокультурные) знаки в археологии, этнографии, культурологии и народоведении. Концепции, методы и методики исследования <...> значений разнородных знаков в культурах и в быту <...>. Методы использования знаков народной культуры в поисках родовых начал древних и более ранних культур»; 2) «Классификация и типология знаков и знаковых систем в народных культурах древности и современности: линейные, яргические и иные знаки»; 3) «Смысл и значения знаков в культурах народов России и Зарубежья: в культурах разных уровней — крестьянских родовых культурах, уездных, земельно-краевых (родоплеменных), народных»; 4) «Вклад знаковедения в развитие знаний о народной культуре в исторической перспективе» [Письмо 2016]. Основу конференций составляли две секции — «Знаковые системы как носители культурных значений» и «Историко-культурные подходы и методы изучения знаковых систем» [Там же].

Все конференции сопровождались выставкой Русского музея народоведения (частная коллекция П.И. Кутенкова) «Вещные области бытования яргических знаков в культуре восточных славян» [Письмо 2016; Программа 2017; 2018; 2019]. Основа выставки — узорчатые полотенца из разных областей России. Помимо конференции музей появлялся на всех крупных мероприятиях «Крины», которые я видела. Замечу, что музей — явле-

¹ Текст Call for papers до 2021 г. почти не менялся. В 2021 г. изменились направления: они все стали связаны с вопросом русского / славянского (sic!) языка: «Исследование роли родного языка в становлении личности, ее культурного самоопределения и самоощущения», «Русский язык — главная база становления и развития знания о знаках и знаковых системах народной культуры», «Русский язык — основа чтения и толкования узорных вязей (систем) на народной одежде, посуде, утвари; в вещном мире археологических культур» и др. [VI международная 2021].

ние семиотическое само по себе [Байбурин 2004: 81–82]. Однако П.И. Кутенков усиливает это ощущение знаковости: проводя экскурсии, он дает понять посетителям, что перед ними не просто экспонат, знак в системе других знаков-экспонатов, а что каждый отдельный артефакт — это полотно со знаками, которые нужно уметь разгадывать (см. ил. 2, 3 и 4).

Инф.: *[У полотенца] коники, да, дикие коники, так скажем, какие-то такие космические. Вот с крыльями, да...*

Соб.: *Почему космические?*

Инф.: *Ну с крыльями потому что, с крыльями. Коники-то непростые, а конек-горбунок, так скажем, он показан здесь вот. Это мы сейчас не будем касаться этого строения, это отдельная тема, это отдельный разговор [П.И., экскурсия 2017].*

Все двадцатое столетие белый цвет потихонечку вытеснялся. Но здесь его вот вписали вот таким вот образом. А, и здесь полностью белый изъяли. То есть белый цвет — это знак чистоты, знак святости, знак светлости. А черный цвет — это знак земли, знак плодородия и в то же время это знак нечистоты, вот [П.И., экскурсия 2017].

Использование языка трудов МТШ заметно уже по названию конференции «Знаки и знаковые системы народной культуры» и описанию ее работы. Оно построено на повторении понятий, с которыми работали в МТШ: «знак»¹, «система», «(народная) культура»². Через описания докладов³ П.И. Кутенкова прослеживаются также другие черты МТШ: обращение к славянской культуре [Иванов, Топоров 1974; Успенский 1982; Байбурин 1983], мифу, ритуалу, обряду как к объектам исследований [Иванов, Топоров 1970; Топоров 1979; Байбурин 1983], использование бинарных оппозиций и метафоры пространства, генетический контекст и индоевропейская реконструкция, интерес к таким семиотическим понятиям, как «линейный», «синтагма», «парадигма». Например, в этих докладах следуют компаративистике и реконструкции в духе В.Н. Топорова:

В докладе [N] был предложен новый метод раскрытия смыслов русских народных знаков (яргов и свастик) на основе индийской космогонической системы «Васту Пуруша мандала»; исследова-

¹ Без слова «знак» П.И. Кутенков описывает только 7 докладов из 56 [Кутенков 2017].

² Ср. с названиями известных изданий сборников: «Труды по знаковым системам», «Структура текста», «Текст: семантика и структура» и работ авторов МТШ: «Символ в системе культуры» (Ю.М. Лотман), «Пространство и текст» (В.Н. Топоров), «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры» (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский).

³ Большинство докладчиков не являются членами «Крины», но именно ее активисты отбирали заявки, ориентируясь на собственные представления о научности, а описание докладов принадлежит П.И. Кутенкову.

тель исходит из общности древних славянорусских и ведических воззрений на мир и его представление [Кутенков 2017: 154].

[D] разработала многоуровневую методiku построения прямолинейного первичного знака и раскрытия его смыслов в русской народной культуре [Кутенков 2017: 153].

В этом — бинарные оппозиции:

Академик [R] положил начало рассмотрению политических учений как знаков истории. В противопоставлении Запада и России, соотнеся их соответственно с идеалами зла и добра на Земле [Кутенков 2017: 154].

Здесь — идея о прочтении одной системы знаков посредством другой:

Историк [Y] предложил петроглифы Онежского края рассматривать как действительную каменную книгу, содержание которой раскрыто в многочисленных вариантах знаменитой Голубиной книги, записанных на Русском Севере [Кутенков 2017: 154].

Здесь — взгляд на культуру как систему знаков, идея обширного анализа отдельного образа, явленного различными обозначающими:

В докладе [X] была представлена Романовская крестьянская родовая культура через ее внешний обобщающий знак — сряду (наряду, одежды), раскрашенный линейными узорами <...>. Важнейшим единичным знаком этой культуры, требующим исследования на высшем научном уровне, стало обнаружение развитого образа Древа рода, выполняемого тамбурным швом [Кутенков 2017: 154].

Рассказывая о собственном докладе, П.И. Кутенков активно использует терминологию МТШ:

Исследователем раскрыто посредством взаимодействия категорий времени и пространства в бытие русской народной культуры неизмеримо широкое поле означаемых и означающих древнейшего линейного знака (включающее и знак-слово со всеми его отношениями) — креста с загнутыми концами (ярги или свастики). Линейный знак обнаруживает сложнейшие уровни порождения смыслов человеческой культуры через знание тонкого мира человека, космоса и природы, предков и Бога [Кутенков 2017: 153].

Материалы конференций демонстрируют, с одной стороны, гегемонию дискурса МТШ как языка научного осмысления, с другой — желание организаторов, активистов «Крины», максимально походить на ученых, связывать свои духовные поиски с формой научной достоверности и за счет презентации себя

как исследователей искать единомышленников и повышать престиж, личный и сообщества. На последнее указывает перечень университетов и научных званий в объявлениях: «Зам. председателя: член-корр. РАЕН Резункова Ольга Петровна», «Ученый секретарь: Phd по социальной психологии Резунков Андрей Геннадьевич» [Первое информационное сообщение 2016]. П.И. Кутенков, например, позиционирует себя как «канд. культурологии» [I Всероссийская 2016: 2] и этнографа:

[В]от видишь, вот, в книжке все написано на основе полевых материалов. Это я лет десять ездил в это село, в эту культуру, вот, собирал все, изучал, исследовал [П.И., экскурсия 2017].

Более того, активисты «Крины» представляют себя не просто исследователями, чья научная традиция вытекает из семиотики, но и основателями полноценной научной школы, альтернативной ей.

Участники конференции сошлись во мнениях, что современная семиотика исчерпала свои искусственные возможности, изначально заданные на основе неполных, а отчасти ложных идей позитивизма, и сегодня необходимо развивать новую науку «Знаковедение» [Кутенков 2017: 153].

При этом постоянное использование основных понятий МТШ, использование первичной процедуры семиотики, опора на труды 1960–1980-х гг. и название «Знаковедение», основанное на замене греческого корня славянским, показывает не борьбу со школой, а именно апроприацию ее формы, некоторых идей и курса социальной группой, претендующей на истинное знание.

Однако внимание неоязычников к семиотике невозможно объяснить исключительно желанием репрезентировать себя как научное сообщество и тем самым создавать себе авторитет и делать свои слова более весомыми, претендующими на некую истинность. Это, конечно, объясняет описанные выше примеры копирования академии по форме: перечисление степеней и институтов, насыщение своих высказываний научными терминами, организацию лекций и конференций, ссылки в презентациях на признанных академических исследователей. Однако вовсе не объясняет, почему из возможных путей осмысления выбор пал именно на МТШ. Ниже я предлагаю рассмотреть иные возможные причины пересечений членов «Крины» и советских семиотиков.

И.В. Утехин и В. Живов отмечают, что советский структурализм, явленный в лице МТШ, был единственной альтернативой «марксистской» гуманитарной науке в СССР [Утехин 2017: 7, Живов 2009: 18–22]. Иные концепции осмысления, например через феноменологию или социологию, отсутствовали [Живов

2009: 23–25], что повышает важность восприятия МТШ не только как учения, но и как части позднесоветской жизни. И именно эта ситуация порождает несколько важных последствий. Во-первых — общий опыт советского человека для активистов «Крины» и членов МТШ. Организаторы «Крины» и ее давние члены — А.Г. Резунков и его жена, атаман И.В., П.И. Кутенков — люди 1955–1965 г.р. Их молодость, как и период активного творчества одних исследователей-семиотиков и начало карьеры других, пришлись на 1970–1980-е гг. Единый социальный и исторический контекст позднесоветской культуры породил общность интересов и опасений людей различных социальных групп. Сами информанты в интервью подчеркивают свою идентичность советского человека и переживания, которые они вынесли из этого опыта. «А я был, я был советским человеком! <...> Мы за два поколения... были православные, потом стали советские люди, потом стали россияне — и кто мы тогда?!» — восклицает П.И. Кутенков посреди экскурсии [П.И., экскурсия 2017]. А.Г. Резунков начинает рассказ об организации «Крины» в 1993 г. с ощущения потребности преодоления материализма, взгляда на мир через точные измерительные приборы и «состояния внешнего познания» на фоне развала Советского Союза и внутреннего кризиса у многих людей в 1991–1993 гг. С вызова материализму, царившему в советской идеологии, начинается и манифест «Крины»:

[О]бщество материального потребления, развив такие отрасли производства, как химическая промышленность, машиностроение, атомная и ядерная энергетика, развесив сети компьютерных систем и телевидения, не сделало людей более счастливыми и здоровыми [Манифест общины 1993].

Стремление преодолеть травматичный опыт и разрушение идентичности советского человека нашли выход в развитии традиционалистских мифологем, в националистическом дискурсе и попытках сохранить, познать и обнаружить свою — русскую, а не советскую — культуру. Этот тезис иллюстрирует, например, основная задача «Крины» в манифесте: «[П]оиск истоков славянского сознания, их познание и развитие в рамках современных условий. <...> Это лишь еще один шаг к восстановлению корней и обогащению общенародного (в масштабе Земли) культурного достояния» [Манифест общины 1993].

Чаяния по сохранению своей культуры, желание понять, что есть «наша культура»¹, попытки вписать русскую культуру в че-

¹ Здесь значимо замечание Ильи Калинина, что в языке позднесоветского интеллигента слово «культура» было до известной степени синонимом слов «дореволюционная культура» [Калинин 2009: 39].

реду других культур в не меньшей мере присущи и ученым МТШ. Так, И.Г. Вишневецкий отмечает, что компаративистские штудии В.Н. Топорова были частью его личного проекта по восстановлению здоровых связей русской культуры, искаженных годами коммунизма, с другими славянскими и балтийскими культурами, а также преемственности древних индоевропейских традиций и наследия Восточного Средиземноморья (через православие) [Вишневецкий 2006: 90–91, 94]. Ю.М. Лотман пишет о самосознании русской культуры, противопоставляет ее как бинарную тернарным культурам Европы [Лотман 1992а: 26, 245; Тороп 1995: 231]. В целом приоритетным предметом его исследований, как и для Б.А. Успенского, стала русская культура, понимаемая не только как историографический объект, но и как историческое наследие [Калинин 2009: 32]. А идея наследия связана именно с желанием сохранить и передать будущим поколениям, в том числе с помощью исследований, то, что подвергается угрозе исчезновения. В итоге получается, что понимание себя Топоровым как православного русского, наследующего языческое общеславянское мышление [Вишневецкий 2006: 94–95], абсолютно созвучно самоопределению атамана И.В. или П.И. Кутенкова [И.В., интервью 2017; П.И., экскурсия 2017], а идеи академика Лихачева об экологии культуры А.Г. Резунков понимает как продолжение собственных рассуждений о сохранении сознания и культуры [А.Г., интервью 2016].

Общие чаяния порождают общий круг интересов. Миф, фольклор, обряд, литература, которые в МТШ рассматриваются как знаковые моделирующие системы, и культура в целом становятся центральными объектами исследований школы¹ [Тороп 1995: 226]. Родноверы «Крины» интересуются теми же объектами в процессах поиска своих корней, выстраивания идентичности русского человека / славянина взамен советского и в попытках максимально аутентично воспроизвести ритуалы своих предков. Так МТШ становится единственной школой, осмысляющей важные для «Крины» темы.

Второе последствие существования МТШ как единственной альтернативы идеологизированной официальной науке — широкие рамки школы, прежде всего как общества. Пётр Тороп отмечает, что ученое сообщество было образовано разными по возрасту, специальности (от истории и литературоведения до информатики и нейрофизиологии [Живов 2009: 21]) и убеждениям людьми. Это создавало атмосферу междисциплинарного

¹ В семиотическом словаре под редакцией Т.А. Себеока тартусская школа связана со словарной статьей «Культура» [Тороп 1995: 226].

общения и сотрудничества. Самосознание семиолога, по воспоминаниям Б.М. Гаспарова, определялось скорее общей интеллектуальной установкой, чем профессиональной принадлежностью [Гаспаров 1998: 68]. Единство взглядов обеспечивала ориентация на понимание структурности и системности различных объектов изучения, на поиски средств для семиотического описания разных языков культуры, а единство сообщества — личность Ю.М. Лотмана [Тороп 1995: 223, 227, 231–235]. На летних школах в Тарту собирались разные люди, которым «оттепель» дала возможность отстраниться от официально санкционированной системы интеллектуальных ценностей [Калинин 2009: 50]. От советской идеологизированной науки сообщество МТШ старалось оградиться, поэтому в число «чужих» мог попасть кто угодно. Вместе с тем сообщество было удивительно открыто тем, кто противопоставлял себя советским идеологемам. Например, А.Т. Фоменко — ныне одиозная фигура лженауки, известная всем родноверам, — в 1970-е гг. приглашался в Тарту и печатался в тартусских изданиях [Живов 2009: 20–21].

Из междисциплинарности советской семиотики и ориентации исследователей на разные объекты вытекает отсутствие общего точного метода и наличие общего языка, претендующего на универсальность. Доступность его освоения представителям разных дисциплин и более широкому кругу читателей подчеркивает П. Тороп: «Можно сказать, что тартуские работы читаются легко, так как необходимо просто знание общенаучной терминологии и некоторых понятий, связанных с собственно семиотическим подходом: вторичные моделирующие системы, парадигматика, синтагматика, бинарные оппозиции и т.п. Отсутствие единства и четкости метаязыка в тартуских работах компенсируется его относительно легкой переводимостью на каждодневный язык и не может быть препятствием для понимания у доброжелательного читателя» [Тороп 1995: 228]. В результате мы получаем язык, который легко копируется, заимствуется и становится «гегемониальным дискурсом» [Калинин 2009: 28].

Использование определенного дискурса, «эзотерического» условно-теоретического языка как один из основных элементов вхождения в круги семиотиков подчеркивают также Гаспаров и Живов [Гаспаров 1998: 62–69; Живов 2009: 20–21]. В ряду иных элементов Живов выделяет «ограниченную оппозиционность» или «отсутствие активного служения истеблишменту», интерес и симпатии к работе других коллег и ссылки, манифестирующие принадлежность к школе [Живов 2009: 21]. Почти все эти элементы, кроме вхождения на равных в академические круги, точности критического мышления и знаний о развитии

исследований в реальном времени, соблюдают А.Г. Резунков и П.И. Кутенков. Они успешно используют язык, предложенный МТШ, не отличаются активным служением властям, цитируют работы советских семиотиков. Создание собственных «научных кругов», альтернативных академии, и опыт работы А.Г. Резункова в Институте аналитического приборостроения РАН [А.Г., интервью 2016] дают им возможность с собственной точки зрения на равных вести диалог с членами МТШ, поддерживать и оспаривать их идеи на дистанции в 40–30 лет. Более того, они предлагают критику с идеологических позиций: семиотика, по их мнению, излишне позитивистское учение [Кутенков 2017: 153], в то время как позитивизм — часть советской идеи, что противоречит их личным стремлениям уйти от материального к духовному познанию.

Все перечисленные особенности, исходящие из противостояния МТШ официальной советской науке, а также некоторые особенности методологии в совокупности порождают еще одну важную вероятную причину для интереса родноверов именно к семиотике — самой школе присущ мифологизаторский и идеологический потенциал [Калинин 2009: 46–47]. Прежде всего этому способствует моделирующий характер языка в МТШ, т.е. описание реальности одновременно конструирует ее очертания. Семиотический подход игнорировал моделирующий момент, запускаемый его собственным метаязыком, а отсутствие авторефлексивной оптики при описании моделирующих механизмов культурных кодов дает семиотике возможность стать самой мифогенным источником. Этот же механизм может легитимировать устойчивые культурные представления. Кроме того, предпосылка, что культура организована через единственный универсальный язык, позволяет транслировать определенную идеологию [Там же: 32]. И.А. Калинин показывает это на примере исторических работ Б.А. Успенского, где Бог, судьба, государственная власть становятся внешними для сообщества источниками смыслов, которые фильтруются единым языковым кодом культуры. Его позицию — культура обладает единственным универсальным языком, владеть этим языком могут либо государственные институты, либо народ — вполне можно рассматривать как идеологическую предпосылку, исходящую из логики тотальной власти. Так автор формирует тотальный миф о структурной неизменности русской культуры. В его работах о петровском времени традиционалистский пафос генеалогии, преемственности и неизменности культуры противопоставляется модернистскому пафосу революционных изменений и создания нового мира. Более того, семиотика сравнима с Абсолютным Духом, когда выступает как способность культурной системы осознавать свои же законы с помощью вторичных

моделирующих систем, т.е. становится актом самосознания системы [Калинин 2009: 41–49]. Идею моделирующего языка и самосознания культуры¹, развитую Б.А. Успенским, используют и члены «Крины», но в гораздо более широких контекстах. Яркий пример тому — позиция А.Г. Резункова, что имя бога и есть бог, или уверенность П.И. Кутенкова в неизменности и универсальности значений в его рассуждениях о «ярге-свастике».

Другая выводящая на путь мифологизаторства предпосылка — восприятие текста как универсального объекта культуры и восприятие истории как функционирования естественного языка в диахронии. Эти предпосылки, полученные в результате стремления семиотики к универсальности метода, могут приводить к созданию универсальной модели с конечным количеством правил и предсказуемостью результатов [Калинин 2009: 42–43]. Этот постулат прекрасно демонстрируют описания докладов с конференций «Крины»: результат их построений известен заранее, поскольку докладчики рассуждают посредством универсальных моделей — остается лишь подбирать примеры. Иллюстрацией такой универсальной модели среди семиотиков можно назвать мономиф В.Н. Топорова.

Помимо перечисленных особенностей методологии в рамках МТШ, моменты мифологического осмысления присущи самим авторам. Выше уже говорилось об обращении к смыслам традиционалистского или национального мифа, вызванным исторической травмой советского человека, на примере текстов Топорова, Лотмана и Успенского. Особенно среди указанных авторов мифологизация присуща В.Н. Топорову. Холистичность его взглядов, стремление углубить «слой святости в русской жизни» и его умение «мыслить мифологически» отмечает М.Б. Мейлах: «[Г]лавное в его мифологических штудиях — это то, что он не превращал мифологию в объект описания, а моделировал ее изнутри. <...> Он не только глубоко проникал в сущность мифологического мышления, но, исследуя древние мифологии, сам творил «мифологию мифологии», интуитивно организуя материал таким образом, что тот начинал выявлять скрытые глубинные смыслы» [Мейлах 2006: 104]. Возможно, именно поэтому идеи Топорова особенно любят цитировать в общине родноверов «Крина» [А.Г., интервью 2016] (см. ил. 5).

Таким образом, советскую семиотику можно рассматривать не только как совокупность методологических подходов для разных дисциплин, но и как собственный культурный проект членов МТШ, основанный на их идеологических предпочте-

¹ Натурализирующие метафоры культуры встречаются, например, в поздних работах Лотмана [Калинин 2009: 46].

ниях. Часть этого культурного проекта — описание культуры как универсального, внутренне устойчивого объекта, обладающего единым культурным кодом, с мифогенным потенциалом. Как культурный проект советская семиотика породила собственный, конкурирующий с официальным, гегемониальный дискурс и превратилась в некоторых работах в тип русского историсофствования [Калинин 2009: 28, 33–34, 43–46]. Именно эту сторону семиотики замечают и активно используют неоязычники «Крины». И если смотреть на развитие московско-тартуской семиотики как на пример изменения объекта в новом культурном контексте (см.: [Живов 2009]), то семиотика в России живет иной жизнью, чем семиотика в СССР. Выйдя за пределы академии, она развивается как культурный проект среди ревнителей славянских традиций. Через проживание схожего опыта в разных социальных кругах появляются два семантизирующих реальность Мидаса: теоретики из ведущих университетов 1960–1980-х гг. и практики-реконструкторы среди родноверов 1990–2020-х гг.

Полевые материалы

- А.Г. — А.Г. Резунков, муж., ок. 1960 г.р. Интервью 28 октября 2016 г., Санкт-Петербург.
- Велеслава — жен., 40–45 лет. Опрос на капище, запись 11 сентября 2016 г., Всеволожский р-н Ленинградской обл.
- Жен., 40–50 лет. Опрос на капище, запись 11 сентября 2016 г., Всеволожский р-н Ленинградской обл.
- И.В. — муж., 1963 г.р. Интервью 10 мая 2017 г., Санкт-Петербург.
- П.И. — П.И. Кутенков, муж., ок. 1957 г.р. Экскурсия по выставке музея народоведения, запись 25 февраля 2017 г., Музей-усадьба «Приютино», Всеволожский р-н Ленинградской обл.

Источники

- I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры»: программа. СПб.: Смольный институт РАО, 2016. 10 с.
- VI Международная и междисциплинарная научно-практическая конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры» // Психологический институт Российской академии образования. [2021]. <<https://www.pirao.ru/events/2217/>>.
- конференция Знаки и знаковые системы народной ку (4-ая Международная научно-практическая конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры»). [2016]. <<https://vk.com/konfznaki>>.
- Кутенков П.И. Первая всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Знаки и знаковые системы народной культуры» // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 152–154.

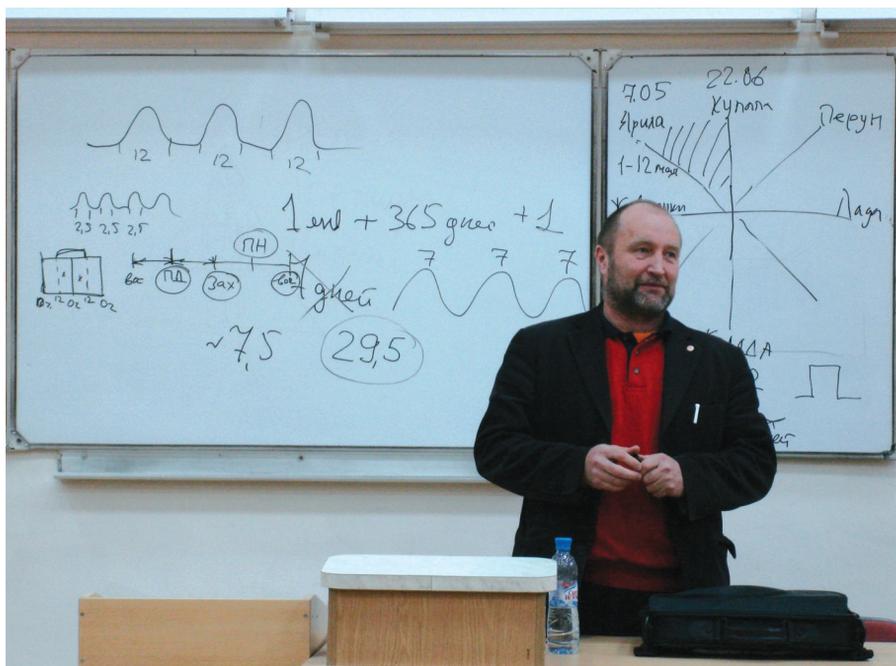
- Манифест общины // Община экологии сознания «Крина». [1993]. <<http://www.krina.ru/man/index.php>>.
- Первое информационное сообщение // Знаки и знаковые системы народной культуры: Обсуждения. 2016, 13 мая. <https://vk.com/topic-115842865_33474851>.
- Письмо_ЗнакиУточненное [приглашение на конференцию]. 2016. 4 с. <https://vk.com/konferencznaki?w=wall-115842865_17>.
- Программа Второй международной научно-практической конференции «Знаки и знаковые системы народной культуры». СПб.: Смольный институт РАО, 2017. 8 с.
- Программа Третьей международной научно-практической конференции «Знаки и знаковые системы народной культуры». СПб.: Смольный институт РАО, 2018. 6 с.
- Программа Четвертой международной научно-практической конференции «Знаки и знаковые системы народной культуры». СПб.: Смольный институт РАО, 2019. 10 с.
- Радио RPR (Новое Девяткино). Программа «Хорошие истории делают нас хорошими», эфир от 9 марта 2017 г., гость студии — А.Г. Резунков. <https://vk.com/radiopr?w=wall-406335_3292>.
- Резунков А.Г. Знаковые точки в родной культуре [Презентация к выступлению на Международном научно-теоретическом круглом столе «Основные понятия Знаковедения», Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 г. 29 с.] <https://vk.com/doc4605235_588357787?hash=RTrBbylUzH7t9Ss3IBNcM4dwfU9ut7muJD2P5PO4Bw&dl=zygO4ZDX8AXcGPLVQyyJ45HVixwzBujp1ual4tyA9N0>.
- Резунков А.Г. Без чего праздник не праздник [Презентация к выступлению в Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург, 24 марта 2022 г. 47 с.] <https://vk.com/doc4605235_631597753?hash=aKt1jWKflrRMONb0vXihfYFnyjltbeWdtlMNOoTjj0&dl=MMasHHj4SwL52uZZFxtqnsIzasO2li3AyQ9mGtlf3s>.

Библиография

- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
- Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). С. 81–86.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- Вишневецкий И. Памяти Топорова // Новое литературное обозрение. 2006. № 1 (77). С. 89–96.
- Гаспаров Б.М. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен // Неклюдов С.Ю. (сост., ред.). Московско-тартуская семиотическая школа: история, воспоминания, размышления: Сб. статей. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 57–69.
- Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 11–26.

- Иванов В.В., Топоров В.Н.* К семиотической интерпретации мифа и ритуала // Greimas A.J. et al. (eds.). Sign. Language. Culture = Знак. Язык. Культура. Р.; The Hague: Mouton, 1970. P. 321–389.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Калинин И.* Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 27–55.
- Калиновский Г.И.* Описание свадебных украинских простонародных обычаев, в Малой России и в Украинской губернии, також и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых. СПб.: Тип. Х.Ф. Клена, 1777. 4+25 с.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Прогресс; Гнозис, 1992а. 272 с.
- Лотман Ю.М.* Феномен культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992б. Т. 1. С. 34–45.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. XIV+47 с.
- Мейлах М.Б.* «В наш век демифологизации мыслить мифологически» // Новое литературное обозрение. 2006. № 1 (77). С. 103–105.
- Топоров В.Н.* Семантика мифологических представлений о грибах // Цивьян Т.В. (отв. ред.). Valcanica: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 234–298.
- Тороп П.* Тартуская школа как школа // Пермяков Е.В. (ред.-сост.). Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Т. 1. С. 223–239.
- Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. 248 с.
- Утехин И.* Инструмент сознания // Experto crede Alberto: Сб. статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 7–8.

Иллюстрации к статье Юлии Шаниной

Ил. 1. Глава общины А.В. Резунков рассказывает про календарь в Клубе культурного и природного наследия

**Знаки и знаковые системы
народной культуры**
материалы
Первой Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием

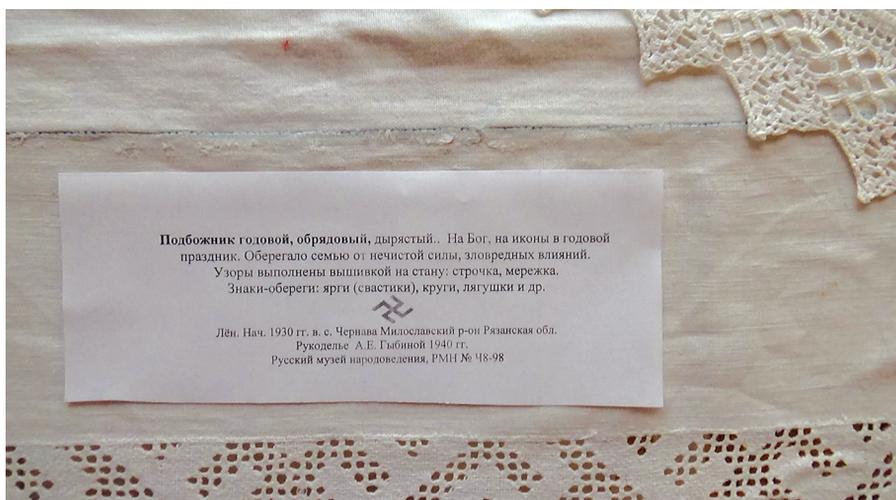

9-11 декабря 2016 г.
Санкт-Петербург

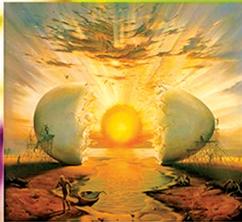
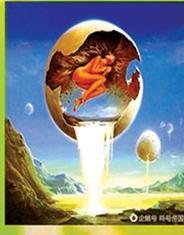
Ил. 2. Обложка издания материалов конференции с фрагментом полотенца из коллекции П.И. Кутенкова

Ил. 3. Афиша передвижного музея П.И. Кутенкова

Ил. 4. Подпись к одному из экспонатов в музее П.И. Кутенкова

Мировое, вселенское яйцо

В любой национальной традиционной культуре есть мифы, объясняющие происхождение Вселенной и человека. Такие мифы принято называть космогоническими. Один из наиболее древних мировых космогонических мифов повествует о том, что мир или отдельные его части возникли из космического яйца. Он распространен в древнегреческой, индоиранской, китайской и других традициях.

В древней мифологии яйцо - это и некое, и земля, и подземное царство.

Некоторые исследователи реконструируют миф о мировом яйце на основе русской сказки о трех царствах. Герой, отправляясь на поиски трех царевен в подземный мир, последовательно попадает в медное, серебряное и золотое царства. Бабушка царевна дает герою по яйцу, в которые он по очереди сворачивает царства. Выбравшись на свет, он красует яйца на землю и разворачивает все три царства.

Детюх яйца также звучит в сказках о курочке Рябе, Кощее Бессмертном и Змее - Горыныче.

Сюда же можно отнести и доплодную матрешку, которая по форме очень похожа на яйцо.

Яйцо - это вместилище для вызревания, соединение пяти стихий земного бытия и развития:

- вода, то есть внутриутробный этап (в сказке о Кощее представляется уткой);
- земля, то есть жизнь земная (заяц);
- металл, то есть жизненный опыт, знания (сундук с цепями);
- Дерево Жизни, то есть Закон развития и бессмертия Мира (дерево, на котором висит сундук).

Игла свивает все эти стихии и окончательно их объединяет в яйцо - основе развития жизни.

Древние предания, восходящие ко временам древнего пранарада, теснейшим образом сопрягаются с астральным Космическим яйцом, из которого происходит мир. Яйцо в большинстве древних религий и в представлении многих народов также символизировало первоначанный Хаос, некий зародыш Вселенной, саму Вселенную, Солнце, Землю.

Одним из атрибутов старого языческого весеннего праздника, посвященного воскресению духа призрастания, является змея (ящер, дракон), обвивающий (оберегающий) яйцо. Он, совместно с когней плодородия, считается родителем растительности и коюще всего живого в мире.

В древнесанскритском источнике "Сатанатха Брахмана" первочеловек Праджапати появился из небесного золотого яйца. Также и герой древнейшего памятника индийской культуры "Ригведе" Висвакарман появляется из яйца, плававшего в мироздании....

Согласно древним иранским преданиям бог света, прародец людей и учитель докра Дхурамазда также родился из небесного яйца. Поэтому древние иранцы прославляли яйцо в священных гимнах, держали в храмах металлические изображения яйца.

Христианская Церковь была вынуждена прилечь к этому языческому обычаю. Одним из символов воскресения Христа является яйцо (ритуал освящения пасхальных яиц).

Ил. 5. Фрагмент изображения из паблика общины с вольным пересказом статьи В.Н. Топорова